СУДЬБЫ МѢСТНОСТИ

ЗАНИМАЕМОЙ

ОДЕССОЮ.

Соч. Ф. Бруна.

ОДЕССА

въ типографіи П. Францова.

1865.

I.

СУДЬБЫ МѢСТНОСТИ

ЗАНИМАЕМОЙ

ОДЕССОЮ.

Подобно всему сѣверному берегу Чернаго моря, мѣстность, составляющая нынѣшнее Одесское градоначальство, до временъ Геродота, покрыта была Киммерійскимъ мракомъ. Даже когда этотъ мракъ началъ разсѣеваться, когда нѣкоторые береговые пункты ясно обозначались въ изящной картинѣ древней Скиѳіи, намъ оставленной «отцемъ исторіи», мы въ трудѣ его не находимъ намека на то, былъ-ли нашъ портъ въ его время доступенъ, или по крайней мѣрѣ извѣстенъ его соотечественникамъ. Развѣ только позволено будетъ заключить изъ его словъ (IV, 17), что въ окрестностяхъ Одессы обитали тогда *Каллипиды*, происходившіе изъ смѣшенія Грековъ съ Скиѳами и съ успѣхомъ занимавшіеся хлѣбопашествомъ и разведеніемъ различнаго рода овощей.

По всей вѣроятности имя сего народа скрывается также въ *Карпидахъ*, которые, по Эфору, жили между Истромъ и Борисѳеномъ, какъ видно изъ свидѣтельства Скимна Хіосскаго (Scymn. fragm. 102), отъ котораго это извѣстіе заимствовалъ въ свою очередь безъименный авторъ Понта Эвксинскаго (ed. Gail, 208).

Хотя Страбонъ (XII, 14 § 21) считаетъ недостовѣр-

нымъ то, что Геродотъ и другіе авторы говорятъ о Каллипидахъ, тѣмъ не менѣе Помпоній Мела (II, I, 7 cf. Solin. c. 20) снова о нихъ упоминаетъ, ставя ихъ жилища между Гиппанисомъ (Бугомъ) и Аксіацесомъ, въ которомъ нельзя не узнать Тилигулъ. Въ странѣ, пролегающей между нимъ и Тирасомъ (Днѣстромъ), жили *Аксіаки*, которые, по тому-же автору, не брали никакихъ мѣръ предосторожности для охраненія своего имущества. Поэтому они вѣроятно были разграблены *Гетами*, когда этотъ народъ простеръ свое оружіе надъ берегомъ Чернаго моря до самой Ольвіи. По Діону Хрисостому (см. перев. Борисѳ. рѣчи, 39) городъ этотъ ими былъ завоеванъ 150 лѣтъ до собственнаго его въ немъ пребыванія: почему и должно думать, что здѣшній край подпалъ подъ власть Гетовъ при царѣ ихъ Беребистѣ, который, по Страбону (VII, 3), былъ современникомъ Юлія Кесаря, а по мнѣнію покойнаго предсѣдателя Московскаго Общества Исторіи и Древностей, узнавшаго въ немъ Славянина, собственно назывался Буревичъ, подобно тому какъ, по Черткову-же [1]) имена самаго славнаго изъ преемниковъ Беребиста, т. е. Децебалъ и Дорпаней, должны были гласить Дикій волъ и Добрый панъ. Безъ сомнѣнія созвучіе нѣсколькихъ словъ еще не доказываетъ сродства двухъ племенъ; но за то разныя другія обстоятельства, приведеніе коихъ было-бы здѣсь неумѣстнымъ, заставляютъ меня, вопреки Шафарику, признать правдоподобнымъ мнѣніе, что Геты, или Даки были предками Славянъ.

Плиній (IV, 26) вѣроятно также имѣлъ въ виду Каллипидовъ, когда говоритъ о *Кробизахъ*, обитавшихъ будто-бы также къ востоку отъ Аксіацеса. Ошибка римскаго автора

1) О переселеніи Ѳракійскихъ племенъ за Дунай, 15, 92, 93.

въ этомъ случаѣ могла произойти оттого, что ѳракійскіе Кробизы (именемъ своимъ напоминающіе Несторовыхъ Кривичей) обитатели въ небольшомъ разстояніи отъ города Одиссоса (близъ Варны) и что другой городъ того-же имени, имъ впрочемъ названный Ordesus, находился около устья Аксіацеса, какъ явствуетъ не столько изъ слѣдовъ древняго поселенія, открытыхъ въ селѣ Троицкомъ, или Коблевкѣ [1]), сколько изъ измѣреній Арріана (ed. Gail, 77) и Безъименнаго (ibid. 219), по единогласному свидѣтельству коихъ пристанище для судовъ, именуемое *Одиссосъ*, находилось на разстояніи 80 стадій (ок. 14 верстъ) отъ небольшаго острова, лежащаго предъ устьемъ Борисѳена, т. е. отъ нынѣшняго острова Березани.

Пристанище *Скопулы*, находящееся по Безъименному въ 160 стадіяхъ отъ Одиссоса, всѣ почти изслѣдователи ищутъ возлѣ Дофиновки, при самомъ началѣ Одесскаго залива; но затѣмъ уже расходятся въ мнѣніяхъ. По Стемпковскому [2]), гавань *Истріанъ*, отмѣченная авторами обоихъ перипловъ на разстояніи въ 250 стадій (ок. 40 верстъ) отъ Одиссоса, совпадала съ портомъ Одесскимъ. Для подтвержденія сего мнѣнія знаменитый нашъ археологъ сослался на различныя древности, какъ-то: вазы, амфоры, чаши и глиняные черепки, найденныя на нынѣшнемъ приморскомъ бульварѣ, возлѣ таможни, на театральной площади и т. д. Поэлику-же подобные предметы были также открыты и теперь еще встрѣчаются на хуторѣ княгини Жеваховой, на восточной сторонѣ горнаго хребта, отдѣляющаго Куяльникскій лиманъ отъ Гаджибейскаго, то Стемпковскій хотѣлъ сюда по-

1) Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн. V, 589.

2) Изслѣд. о мѣстоположеніи др. греч. посел. на бер. Понта Эвкс.

мѣстить городъ *Фиска*, упомянутый однимъ только Птолемеемъ (III, 10).

Но такъ какъ ничего не доказываетъ, что этотъ городъ не могъ лежать совершенно въ иномъ мѣстѣ, то г. Беккеръ [1]), съ гораздо большимъ правомъ, ищетъ здѣсь гавань Истріянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему представляется возможность узнать въ Одесскомъ портѣ гавань *Исіаковъ*, отстоявшую, по Арріану, въ 50 только стадіяхъ (ок. 8 верстъ) отъ гавани Истріянъ, тогда какъ Стемпковскій и Бларамбергъ (Journal d'Odessa, 1827 № 2) принуждены были отодвинуть гавань Исіаковъ до Сухаго лимана, за нѣмецкою колоніею Лустдорфъ, гдѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ слѣдовъ древняго поселенія. При томъ гавань Исіаковъ находилась по Безъименному, у котораго она называется Іако, на разстояніи 300 стадій (ок. 50 верстъ) отъ Никоніума, отыскиваемаго только что приведенными изслѣдователями въ Овидіополѣ, хотя вѣроятно онъ лежалъ немного ниже между деревнями Отарикомъ и Бузиноватою, гдѣ значительные признаки греческаго поселенія были открыты г. Беккеромъ. Впрочемъ, еслибы Никоніумъ и лежалъ въ предположенномъ Стемпковскимъ и Бларамбергомъ мѣстѣ, то и въ такомъ случаѣ пришлось бы искать гавань Исіаковъ скорѣй въ Одессѣ, нежели при Сухомъ лиманѣ, отстоящемъ отъ Овидіополя не въ 50, но менѣе чѣмъ въ 40 верстахъ.

Правда, по Безъименному, разстояніе между гаванями Истріянъ и Исіаковъ составляло не 50, но 90 стадій. Однако, послѣ вышесказаннаго, придется только допустить, что онъ здѣсь отклоняется отъ Арріана по какому нибудь недосмотру, или же что онъ, какъ полагалъ г. Беккеръ, въ свое измѣ-

[1]) Запис. Одесск. Общ. Ист. III, 202.

реніе включилъ часть Гаджибейскаго лимана [1]), между тѣмъ какъ Арріанъ мѣрилъ прямо разстояніе между обѣими пристанями.

Если-же положимъ, что прямое между ними разстояніе и составляло не 50, но 90 стадій или 12 римскихъ миль, какъ считается у Безъименнаго, то оно составляло-бы 16 (15¾) верстъ, а не 12, какъ полагалъ Стемпковскій, въ полной увѣренности, что миля безъименнаго сочинителя Перипла Понта Эвксинскаго равнялась нынѣшней нашей верстѣ. Доводами сего убѣжденія служили ему слѣдующія два обстоятельства: 1) что пространство берега заключеннаго между Днѣстромъ и Днѣпромъ составляетъ теперь сто нашихъ верстъ и 2) что, по измѣренію промежуточныхъ разстояній Безъименнаго, между Борисѳеномъ и Тирасомъ находится не болѣе 810 стадій, или даже 750, равняющихся ста милямъ.

Дѣйствительно Безъименный считаетъ отъ устья Борисѳена до острова предъ нимъ лежащаго 60 стадій; за тѣмъ до Одиссоса 80; до Скопулъ 160; до гавани Истріянъ 90; до гавани Исіаковъ 90; до Никоніума 300; до Тираса 30, итого 810 стадій. Вмѣсто этой суммы Стемпковскій ститаетъ только 750, потому что Никоніумъ лежалъ вверхъ по Днѣстру, а не на берегу моря, какъ видно изъ описанія безъименнаго сочинителя: «слѣдовательно», говоритъ основатель Керченскаго музея, «изъ 810 стадій надлежитъ вычесть тѣ 30, кои сей сочинитель полагаетъ между Никоніумомъ и

[1]) Что этотъ лиманъ въ старину былъ бухтою, въ которую входили большія суда, явствуетъ изъ находимыхъ въ немъ якорахъ о четырехъ лапахъ и вѣсомъ до 40 пуд. (О засореніи Одесскаго порта, въ № 67 Одесск. Вѣстн. за 1858 г). Ниже увидимъ, что пересыпь, нынѣ отдѣляющая этотъ лиманъ отъ моря, быть можетъ, образовалась только въ XIV столѣтіи послѣ Р. Х.

устьемъ Тираса, и отъ сего устья до гавани Исіаковъ считать только 270, почему и остается 750 стадій или 100 миль на разстояніе между Тирасомъ и Борисѳеномъ».

Подобно Стемпковскому г. Беккеръ думаетъ, что Безъименный, мѣрившіи разстояніе между гаванью Исіаковъ и Никоніумомъ, оттуда возвращается назадъ къ восточной оконечности Днѣстровскаго лимана, между тѣмъ какъ авторъ перипла въ своемъ измѣреніи шелъ впередъ до города Тираса, какъ это доказалъ г. Нейманъ. «Мнѣніе г. Беккера» говоритъ онъ (Die Hellenen im Skythenlande, 359) «которое уже по своей неестественности (Künstlichkeit) возбуждаетъ наше сомнѣніе и предполагаетъ въ периплѣ, идущемъ сухо и правильно впередъ отъ одного пункта до другаго, непрактическое pêle-mêle,—ведетъ къ странному факту, что нѣтъ указанія на мѣстоположеніе самаго главнаго пункта, т. е. города Тираса; что не указано его именно разстояніе какъ отъ Никоніума, такъ и отъ башни Неоптолема» [1]). Еще

[1]) Башня эта, какъ видно изъ свидѣтельства не только Безъименнаго, но и Страбона (VII, 3, § 16), находилась при западной оконечности Днѣстровскаго лимана и могла по этому занимать мѣсто, гдѣ нѣкоторые слѣды древнихъ построекъ были найдены г. Беккеромъ. Древняя-же башня, именемъ своимъ напоминающая нѣкоторымъ сына владѣтеля Понта Ахиллеса, а другимъ полководца понтійскаго-же владѣтеля Митридата, была вѣроятно ничто иное какъ маякъ, стоявшій при входѣ въ Днѣстровскій лиманъ, гдѣ подобнаго рода зданіе существовало еще въ началѣ XV вѣка, какъ явствуетъ изъ свидѣтельства іеродіакона Зосимы. Прошедши изъ Бѣлграда (Аккермана) 9 верстъ, онъ спустился въ устье Днѣстра, гдѣ стоялъ «столпъ называемый фонарь», и при которомъ находились «привалы корабельныя», между тѣмъ какъ современные московскому путешественнику италіанскіе моряки подъ именемъ falconare, отмѣченнымъ на ихъ картахъ, вѣроятно разумѣли т. н. мысъ Балабанъ, т. е. морской берегъ, пролегающій между лиманами Будацкимъ и Бурнасскимъ и открывающійся въ ясную погоду за 12 миль (Лоція Чернаго моря, 436).

болѣе можно убѣдиться въ неосновательности мнѣнія г. Беккера, если имѣть въ виду сумму разстояній всѣхъ береговыхъ пунктовъ по измѣреніямъ Безъименнаго. Показавъ, что въ разстояніи между Херсонисомъ и Тирасомъ (3810 стадій или 508 миль) имъ дѣйствительно включены не только всѣ 300 стадій, отдѣлявшія гавань Исіаковъ отъ Никоніума, но еще слѣдующія 30 между этимъ городомъ и Тирасомъ, г. Нейманъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что Безъименному не пришло въ голову возвратиться изъ Никоніума къ восточному устью лимана, и что онъ не забылъ указать на разстояніе, отдѣляющее главный городъ края отъ сосѣдственныхъ береговыхъ пунктовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что городъ Никоніумъ дѣйствительно находился въ предположенномъ г. Беккеромъ мѣстѣ, отстоящемъ отъ Аккермана въ $5\frac{1}{2}$ верстахъ, т. е. около 30 стадій, между тѣмъ какъ разстояніе между нимъ и Овидіополемъ составляетъ около 50 стадій, или 9 верстъ.

Впрочемъ, такъ какъ Никоніумъ, находясь въ 30 стадіяхъ отъ города Тираса, отдѣленъ былъ подобнымъ же пространствомъ отъ восточной оконечности лимана, то и протяженіе берега между нею и устьемъ Днѣпра дѣйствительно равнялось-бы 270 стадіямъ или 100 милямъ Безъименнаго. Съ другой стороны нельзя не согласиться, что прямое разстояніе между устьями Днѣпра и Днѣстра не превышаетъ 100 верстъ или 57 миль морскихъ. Но за то къ нимъ придется непремѣнно прибавить около 30 верстъ, если будемъ мѣрить это разстояніе берегомъ, и сложимъ съ Безъименнымъ частныя разстоянія упомянутыхъ имъ береговыхъ пунктовъ. Такимъ образомъ оказалось-бы, что миля этого автора равнялась-бы не одной верстѣ, а верстѣ и $^3/_{10}$.

Оно и не могло быть иначе, потому что позднѣйшая

римская миля, соотвѣтствующая $7\frac{1}{2}$ греческихъ стадій [1]) составляла 80-ю часть градуса, который, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ около 105 верстъ. Если-же 80 подобныхъ миль равнялись 105 верстамъ, то Стемпковскому слѣдовало замѣнить 100 миль не ста верстами, но по крайней мѣрѣ ста тридцатью.

Нельзя сказать, какая участь постигла всѣ приведенные порты, когда они подпали подъ власть нѣмецкихъ *Готѳовъ*, въ коихъ знаменитый Гриммъ, ошибаясь подобно Іорнанду, узнавалъ потомковъ Даковъ или Гетовъ. Утвердившись, въ III вѣкѣ нашей эры на сѣверномъ берегу Чернаго моря, Готѳы, теченіемъ Днѣстра, раздѣлились на *Тервинговъ*, или Западныхъ и на *Грейтунговъ*, или Восточныхъ. Жилища послѣднихъ доходили до Дона, или, по крайней мѣрѣ, до Днѣпра (Amm. Marc. 31, 3), такъ что имъ принадлежали порты Истріанъ и Исіаковъ, когда они, отобравъ у прибрежныхъ жителей до 2000 (по Зосиму 6000) судовъ, съ устья Днѣстра отправились на морскія поиски въ Архипелагъ, въ царствованіе императора Клавдія II [2]). Сподвижниками ихъ въ подобныхъ походахъ, часто повторяемыхъ, были *Carpi* [3]), вѣроятно тожественные съ *Карпіянами* Птолемея, равно какъ и съ *Гарпіями* или Арпіями, которые, потому-же автору (III, 10), обитали вдоль по морскому берегу между Дунаемъ и Днѣпромъ, стало быть въ тѣхъ-же мѣстахъ гдѣ предъ ними жили Каллипиды Геродота и Мелы, Кробизы Плинія и Карпиды Скимна и безъименнаго автора перипла.

Когда-же послѣ нашествія Гунновъ на Европу, Готѳы, за исключеніемъ нѣсколькихъ тысячей, удержавшихся до XVI

[1]) Forbiger, Handbuch d. alt. Geogr. I, 555.

[2]) Treb. Pollio in Claud. c. 6—9; Zos. I, 42—49.

[3]) Jorn. De reb. get. etc, c. 16; Zosimus, 1 c.

столѣтія въ горной части Крыма, принуждены были искать себѣ новыя жилища въ трехъ полуостровахъ южной Европы, и когда вслѣдъ за тѣмъ быстро возникшее могущество Гунновъ столь-же быстро рушилось, тогда уже на сѣверномъ берегу Чернаго моря явились сродственныя племена *Славянъ* и *Антовъ*. Послѣдніе именно, поселившись между Днѣстромъ и Днѣпромъ (Jorn. l. l. c. 5), получили отъ императора Юстиніана, въ 545 году, городъ Турисъ съ областью, лежавшей къ сѣверу отъ Дуная, съ тѣмъ, чтобы они защищали границу имперіи противъ варваровъ. Хотя Прокопій [1]) и говоритъ, что Турисъ былъ основанъ лучшимъ изъ римскихъ императоровъ, но этимъ не мѣшалъ мнѣ видѣть въ немъ Тирасъ, едва-ли не ими, т. е. Антами, названный бѣлымъ городомъ, извѣстнымъ Константину Багрянородному (De adm. imp. c. 37) и переименованнымъ Турками въ Аккерманъ.

Подобнымъ образомъ можно принять Антовъ за предковъ Несторовыхъ *Тивирцевъ*, жилища коихъ доходили до Днѣстра, или даже, вдоль по морскому берегу, до Днѣпра, если только допустить, что лѣтописецъ не хотѣлъ два раза говорить о Днѣстрѣ въ слѣдующемъ предложеніи: «Тивирцы сѣдяху по *Днѣстру*, присидяху къ Дунаеву; бѣ множество ихъ, сидяху бо по *Днѣстру* (Днѣпру?) оли до моря, суть гради ихъ до сего дня, да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь» (Лавр. л. 4). Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ (ibid. 12) говоря, что въ войскѣ Олега находились также Тивирцы, прибавляетъ: «яже суть толковини». Если, какъ остроумно догадывается В. И. Григоровичъ, это названіе произошло отъ слова толокъ, то оказалось-бы, что Тивирцы добровольно служили русскому князю, подобно тому, какъ Анты, и передъ

[1]) De bello goth. III, 15; cf. Зап. Одесск. Общ. III, 452.

ними Тервинги, прежде были союзниками Византійскихъ императоровъ. Если-бы Готѳы, какъ утверждаетъ Тунманъ [1]) дѣйствительно удержались долго еще въ окрестностяхъ Силистріи, то и объяснилось-бы, почему Анты, съ ними смѣшавшись, стали называться Тивирцами, т. е. Тервингами, подобно тому какъ задунайскіе ихъ единоплеменники превратились въ Болгаровъ, а приднѣпровскіе въ Русь. Также объяснились-бы готѳскія слова въ древнеславянскомъ языкѣ.

По Константину Багрянородному (De adm. imp. l. c.) береговой край занятый Антами и Тиверцами въ его время назывался *Золотымъ берегомъ*, быть можетъ по своей важности для рыбной ловли, которая, по свидѣтельству Нестора, также производилась съ большимъ успѣхомъ въ Бѣлобережьѣ, совпадавшемъ съ Золотымъ берегомъ или, по крайней мѣрѣ, составлявшимъ часть его. Нельзя не узнать славянское слово бѣлобережье въ имени *barbarese*, или borbarese, отмѣченномъ на итальянскихъ картахъ XIVᵛ и XVᵛ столѣтій около нынѣшняго Березанскаго лимана, подобно тому какъ въ нихъ лиманъ Тилигульскій названъ *flor-de-lis*, между тѣмъ какъ слѣдующее имя *ginestra* или zinestra означало мысъ, отдѣляющій Гаджибейскій лиманъ отъ Куяльника, или-же одинъ изъ этихъ лимановъ.

Мнѣ уже представился случай [2]) высказать мнѣніе, что различныя мѣстности, лежащія на сѣверномъ берегу Чернаго моря, могли быть наименованы итальянскими моряками по растеніямъ, которыя и нынѣ еще въ изобиліи встрѣчаются въ ихъ окрестностяхъ. Впрочемъ я не отрицалъ, и теперь не отрицаю, что другія посторонныя обстоятельства могли

[1]) Untersuchungen über d. Gesch. d. östl. europ. Völker, I, 333.

[2]) Bull. de l'Acad. des Sciences de S. Petersb. и Записки Одес. Общ. Ист. и Древн. IV, стр. 237—260.

послужить поводомъ къ примѣненію къ лиманамъ Куяльникскому и Тилигульскому названій, изъ коихъ одно было прозвищемъ Англійскихъ королей изъ дома Анжускаго, тогда какъ другое напоминаетъ намъ старинный Французскій гербъ. Но почему, спрашиваетъ извѣстный сотрудникъ Тафеля [1]) слова, означающія этотъ гербъ, отмѣчены при устьѣ Тилигула по испански? Не находились ли тутъ или церковь или же монастырь: въ Мадритѣ есть церковь Мадонны того же наименованія; или же не приставали ли тутъ какіе то странствующіе Каталаны [2])? Соглашаясь съ Томасомъ, что слова flor de lis могли быть отмѣчены на средневѣковыхъ картахъ Чернаго моря первоначально Каталанами, Пешелъ (Ausland, 1864 p. 1030) можетъ быть не ошибается, замѣчая, въ своемъ разборѣ только что приведеннаго труда мюнхенскаго академика, что составители картъ подъ своимъ flor de lis разумѣли ничто иное, какъ магнитный сѣверъ, на томъ основаніи, что на старинныхъ компасахъ изображалась лилія при сѣверной оконечности магнитной стрѣлки. «Изданныя мюнхенскою академіею морскія карты», говоритъ онъ «представляютъ намъ даже розу вѣтровъ съ изображеніемъ лиліи». Тожество сего знака съ гербомъ Франціи подало поводъ нѣсколькимъ зарейнскимъ ученымъ, увлеченнымъ чувствомъ, неумѣстнымъ въ дѣлѣ науки, присвоить своему отечеству честь если не изобрѣтенія, то, покрайней мѣрѣ, усовершенствованія компаса. Но такъ какъ родина Медичисовъ также имѣла лилію въ своемъ гербѣ, то нынѣшняя столица Италіи имѣла бы полное право оспаривать эту честь у *без-*

[1]) Thomas, Periplus Ponti Euxini, München, 1864.

[2]) Каталаны еще въ 1290 году получили право участвовать въ Черноморской торговлѣ. (Capmany, Com. de Barcelona, II. Docum. 249—301; cf. Primaudaie, Hist. du com. au Moyen-âge. P. 1846 p. 73.

корыстной своей покровительницѣ, тѣмъ болѣе, что двухглавый орелъ и крестъ, означавшiе на старинныхъ компасахъ западъ и востокъ, и соотвѣтствующiе эмблемамъ Джибелиновъ и Гвельфовъ, гораздо скорѣе могли быть присоединены къ *розовой* лилiи соотечественникомъ Данте, нежели кѣмъ либо изъ французскихъ подданныхъ. По сему до поры до времени нѣтъ надобности считать невѣроятнымъ преданiе, по которому, около 1300 года нашей эры, компасъ, раздѣленiемъ розы вѣтровъ на 16 румбовъ, былъ улучшенъ Амалфитяниномъ Флавiо Джiоiа [1]). Во всякомъ случаѣ его соотечественники могли первые примѣнить къ Тилигулу тогдашнее названiе магнитнаго сѣвера, такъ какъ они прежде другихъ Итальянцевъ пользовались торговыми льготами въ Константинополѣ (Primaudaie, l. l. 32) откуда тѣмъ легче могли добираться до сѣвернаго берега Чернаго моря, что еще на родинѣ своей имѣли случай познакомиться съ нашими Викингами [2]). Предположенiе, что *Тиряне* южной Италiи могли посѣщать Русское море, не покажется слишкомъ смѣлымъ, если имѣть въ виду, что на картахъ средневѣковыхъ, хранящихся въ Мюнхенѣ, слова *porto de Malfitan* отмѣчены при устьѣ Дона. Изъ этой приписки можно заключить, что въ сосѣдствѣ порта Пизанскаго находилось также поселенiе, основанное Амалфитянами; или, по крайней мѣрѣ—что суда, которыя познакомили народы Востока съ произведенiями Европы [3]), имѣли пристанище въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствiи утвердились Венецiяне и Генуезцы.

---

[1]) Jal, Glossaire nautique, Paris, 1848 s. v. Rose de Compas.

[2]) Muralt, Chron. Byzant, 619 et passim.

[3]) Guill. Tyr. XVIII, 4, ap. Bongars: Amalfitani primi merces perigrinas, quas Oriens non noverat, ad supradictas partes, lucri faciendi gratia, inferre tentaverunt.

Уже гораздо позже является въ морскихъ картахъ имя *Caczibei*, или Kaczibei около того мѣста гдѣ нынѣ, красуется перлъ Новороссiйскаго края. По Сарницкому [1]) портъ Качибейскiй обязанъ именемъ своимъ татарскому полководцу Качубею, который вмѣстѣ съ другими, Кутлубахомъ и Дмитрiемъ такъ сильно былъ разбитъ Литовцами, въ 1331 году, при устьѣ Днѣпра, что Татары принуждены были бѣжать частью къ Дону, частью-же чрезъ Дунай, въ Добруджу.

По приведенному польскому писателю этотъ подвигъ былъ совершенъ великимъ княземъ Ольгердомъ, и таково также мнѣнiе Лелевеля [2]), и даже Карамзина. Ибо безъ сомнѣнiя нашъ исторiографъ имѣлъ въ виду это событiе, когда говоритъ (изд. Эйнерл. V, 8): «Въ 1363 году онъ (Ольгердъ) пошелъ съ войскомъ къ Синимъ Водамъ (т. е. Синюхи, притоку Буга) или въ Подолiю, гдѣ кочевали три орды Монгольскiя; разбивъ ихъ, гнался за ними до самой Тавриды, опустошилъ Херсонъ, умертвилъ большую часть его жителей и похитилъ церковныя сокровища, и съ того времеми, какъ вѣроятно, опустѣлъ сей древнiй городъ, и Татары Заднѣпровскiе находились въ нѣкоторой зависимости отъ Литвы». За тѣмъ Карамзинъ еще прибавляетъ въ выноскѣ (V, 12) «Стрiйковскiй пишетъ (Хрон. Литвы, кн. XII, гл. 2), что Ольгердъ съ племянниками своими, Александромъ, Константиномъ, Георгiемъ и Өеодоромъ Корiатовичами, близъ Синей Воды, въ Подолiи, разбивъ трехъ князей Монгольскихъ, Кутлубаха Султана, Качибейкирея и Димейтера Султана (будто въ 1331 году) прогналъ Татаръ въ Крымъ и за Донъ» etc.

Но еще Тунманъ (Büsching, Erdbeschr. IV, p. 387) былъ

---

[1]) Dlugossi Hist. Pol. 1712, II, p. 1134.

[2]) Hist. de la Ruthenie et de la Lithuanie, 135.

увѣренъ, что дѣло это касалось не великаго князя Ольгерда, но полководца того-же имени, посланнаго Витольдомъ, около 1396 года, противъ Татаръ. Дѣйствительно мы узнаемъ отъ Длугоша (XI, 153) Туана (in Pol. Elzev. 241) и самаго Сарницкаго (Dlug. II, 1159), что въ это время Витольдъ, вслѣдствіе счастливаго похода, перевелъ изъ Скиѳіи (ex media Scythia, Thuanus) множество Татаръ въ окрестности Трокъ, гдѣ эту колонію засталъ Гилльберъ де Ланнуа (Voyages etc, ed. Mons, 25) незабывшій намъ передать, что между ними было много Евреевъ. Если, какъ должно думать, Караиты именно съ этого времени обитаютъ въ Трокахъ, то кажется, что походъ Литовцевъ направленъ былъ въ Крымъ, и предположеніе сіе подтверждается извѣстіемъ, сообщеннымъ Шлёцеромъ. Въ своей исторіи Литвы, описывая дѣйствія Витольда, славный истолкователь Нестора говоритъ (ср. Кёппенъ, Кр. Сборн. 310), что полководецъ великаго князя, Ольгердъ, разбилъ около Дона трехъ выступившихъ противъ него хановъ: Крымскаго, Киркельскаго и Манлопскаго. Такъ какъ ханъ Крымскій непремѣнно долженствовалъ быть Кутлабаху, т. е. Кутлубуга (Березинъ, Ханск. Ярлыки, I, пр. 9), между тѣмъ какъ султанъ Манлопскій, т. е. Мангупскій могъ называться Дмитріемъ, будучи христіаниномъ, то оказывается, что ханомъ Киркельскимъ не могъ не быть основатель Хаджибея, что не помѣшало-бы намъ видѣть въ немъ нѣкоего Бекъ-Хаджи, начальника племени Суткулъ (Березинъ, l. l. II, 15) или Шюракюль (Зап. Од. Общ. I, 339), которому Тохтамышъ утвердилъ льготы, дарованныя еще Тимуръ Пуладомъ племени его.

По крайней мѣрѣ становища этого племени, которое ханскимъ ярлыкомъ было освобождено отъ всякаго рода податей и повинностей какъ *внутри Крыма*, *такъ внѣ и на*

мѣстахъ остановки, могли простираться до окрестностей порта Гаджибейскаго.

Впрочемъ кажется, что владѣтель Киркьера Гаджибей, или Бекъ-Гаджи, былъ въ числѣ убитыхъ въ войнѣ съ Витольдомъ, или въ числѣ лицъ отведенныхъ имъ въ Литву. Ибо еще въ 1397 году ханъ Кипчакскій Тимуръ Кутлукъ, заставившій самаго Тохтамыша искать убѣжище въ Литвѣ, отдалъ Киркьерскую область, сосѣдственную селенію Судакъ, нѣкоему Мухаммеду сыну Хаджи-Байрамъ Ходжа, даровавъ ему льготы въ родѣ тѣхъ, какія начальникъ племени Суткулъ получилъ отъ Тохтамыша (Березинъ, l. l. 10).

Верховная власть Литвы надъ здѣшнимъ краемъ не прекратилась послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго Витольду Эдигеемъ при Ворклѣ въ 1399 году. Иначе не объяснилось-бы, какимъ образомъ Владиславъ II могъ отправить въ 1415 году нѣсколько судовъ, нагруженныхъ хлѣбомъ, изъ порта Качибейскаго въ столицу Греческой Имперіи, терпѣвшей въ это время большой недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, вслѣдствіе опустошеній окрестностей Константинополя Турками (Cromer, De reb. Pol. XVIII, 279).

Нѣсколько лѣтъ спустя де Ланнуа (l. l. 40), въ путешествіи своемъ изъ Монкастро (Аккерманъ) въ Каффу, засталъ при нижнемъ Днѣпрѣ татарскаго князя, друга и слугу герцога Витольда, равно какъ и большое татарское селеніе, принадлежавшее сказанному Витольду.

Хотя бургундскій рыцарь не говоритъ ни слова о лежащемъ на его пути замкѣ Гаджибейскомъ, но изъ его молчанія не слѣдуетъ заключать, будто бы этотъ замокъ или городъ тогда уже не существовалъ. Напротивъ того кажется, что имя его встрѣчается въ слѣдующемъ спискѣ замковъ, доставшихся по смерти Витольда преемнику его Свитригайло:

Cirkassi, Zwimhorod, Sokolez, Czarnygrod, Kaczuklenow и Maiak-karawul (Kotzebue, Switrigail, 114).

Если-же въ имени Kaczuklenow позволено будетъ слышать испорченное переписчиками имя нашего Гаджибея, то слѣдовало-бы заключить, что отмѣченный за нимъ въ спискѣ за́мокъ *Маiакъ* также находился не въ дальнемъ отъ него разстоянiи, тѣмъ болѣе, что названiе караулъ, прибавленное къ имени его и значущее по турецки Сторожевая башня, позволяетъ думать, что она находилась въ странѣ, въ которой обитали Татары. Если-же отмѣченное въ спискѣ слово karawul вовсе не означало сторожевую башню, но было передѣлано съ турецкаго-же: кара-аулъ (Черный аулъ) или кара-гуль (Черное озеро), то и въ такомъ случаѣ за́мокъ Маякскiй могъ находиться близь днѣстровскаго лимана, поелику сѣверо-западная часть его нынѣ еще называется *Карагульскимъ* заливомъ [1]).

Дѣйствительно мы узнаемъ отъ де Ланнуа, что, въ бытность его въ Монкастро, прибылъ туда губернаторъ Подолiи Гедигольдъ, дабы на одномъ изъ береговъ Днѣстра (a l'un des lez du fleuve) соорудить новый замокъ, который сказаннымъ герцогомъ Витольдомъ былъ построенъ менѣе чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ, въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни лѣса ни камней; но сказанный губернаторъ привелъ двѣнадцать тысячъ человѣкъ и четыре тысячи повозокъ, нагруженныхъ камнемъ и лѣсомъ.

Безъ сомнѣнiя, Бронiовiй [2]) имѣлъ въ виду этотъ замокъ, когда, сказавши что при устьѣ Днѣстра находились, по Страбону, города Никонiумъ и Офiуса, продолжаетъ: Ex adverso itaque Majaci trajectus, ille Bialogrodo navibus in campum Bialogrodensem et Oczacoviensem superatur. Militem quendam Maiacum ibi fuisse fabulantur, ac in eo loco, Nestro trajecto, in ripa lapidei parietes ruinosi et quasi quaedam ruinae apparent; eam ruinam Turrim Neoptolemi fuisse Strabo refert.

[1]) Шмидъ, Мат. для Геогр. и Стат. Херс. Губ. I, 206.

[2]) Schwandtner, Script. rer. hung. I, 815.

Подобно мнимой башни Неоптолема, можетъ быть примѣнено къ Гедигольду упомянутое Бронiовiемъ преданiе о пребыванiи въ этомъ мѣстѣ воина, коего имя онъ явно смѣшиваетъ съ названiемъ замка, имъ построеннаго.

Даже можетъ статься, что преданiе относится къ самому Витольду, которому, по Сарницкому [1]) принадлежали мостъ и баня, или скорѣй мытница, при Бугѣ. Вѣроятно они находились, какъ думаетъ г. Скальковскiй [2]), возлѣ деревень Витовтова брода и Витовти, въ названiяхъ коихъ отзывается языческое имя русско-литовскаго князя Александра. Я увѣренъ даже, что Днѣстровскiй лиманъ свое молдавское названiе (lacus Vidovo seu Obidovo, по Бронiовiю), скорѣе получилъ въ память этого счастливаго завоевателя, нежели по имени злосчастнаго поэта римскаго, какъ часто полагаютъ, хотя Овидiй никогда не бывалъ въ Бессарабiи, Молдоване-же туда переселились не задолго до временъ Витольда. Сарницкiй расказываетъ (l. l. s. v. Ovidii lacus), что возлѣ Видова озера находилась крѣпкая стѣна, по которой сказанный князь ѣздилъ въ море, на протяженiи полумили, въ знакъ своего владычества надъ Сарматскимъ моремъ. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ авторъ отличаетъ Днѣстръ отъ лимана, то стѣна сiя могла находиться возлѣ того мѣста гдѣ стояла башня. Можетъ быть она была родъ плотины для облегченiя переправы чрезъ плавни между Паланкою и Маяками, во время полноводiя.

[1]) Descr. Poloniae s. v. Balneum et Pons Vitoudi.

[2]) Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1845, XI, 177.

Къ сожалѣнію де Ланнуа не говоритъ на какой именно сторонѣ Днѣстра была построена башня Гедигольдомъ, между тѣмъ какъ изъ словъ Броніовія также не явствуетъ на какомъ именно берегу рѣки находились развалины, напоминавшія ему башню Неоптолема. По этому можно только догадываться, что онъ имѣлъ въ виду деревню Паланку, гдѣ и теперь еще находится полуразвалившаяся круглая башня между тѣмъ какъ въ Маякахъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ подобной постройки.

Правда, на картѣ, приложенной у Швандтнера къ сочиненію Броніовія, башня Неоптолемова отмѣчена на мѣстѣ гдѣ нынѣ стоитъ городъ Маяки; но за то имя сіе читается на картѣ Рейхерсдорфа, помѣщенной въ томъ-же сборникѣ, на правой сторонѣ Днѣстра около Паланки, откуда легко могло быть переведено на противуположный берегъ жителями туда переселившимися, подобно именамъ другихъ бессарабскихъ селеній, встрѣчающимся также на лѣвомъ берегу, напр.: Рашковъ въ Подоліи, противъ Ваду, или Стараго Рашкова въ Бессарабіи; городъ Дубоссары и селеніе Старые Дубоссары; тираспольскаго уѣзда селенія Слободзей и Бессарабское того-же имени; тираспольскаго-же уѣзда село Чобручи, выстроенное Некрасовцами насупротивъ села того-же имени, лежавшаго, по Книгѣ Большему Чертежу (1838, р. 103) въ 20 верстахъ ниже Тегинья (Бендеръ). Къ сожалѣнію чертежъ прерывается въ этомъ мѣстѣ: «А ниже Туборчи 20 верстъ, въ старомъ чертежѣ подпись свалилась». Должно однакожъ замѣтить, что русскіе бѣглецы, переселившись въ 1791 году изъ за Дуная въ Маяки, могли себѣ построить часовню изъ камня татарской мечети и изъ развалинъ другихъ зданій (Зап. Одес. Общ. II, 193).

Почти въ одно время съ посланникомъ Филиппа Бургунскаго посѣтилъ эти мѣста нашъ іеродіаконъ Зосима въ сообществѣ со многими купцами и вельможами. Пустившись изъ Кіева на юго-западъ и прошедши 150 верстъ, они достигли южнаго Буга у города Браславля; оттуда они вступили въ степи Татаръ бѣлгородской орды и шли 250 верстъ татарскою дорогою, «которая зовется на Великій Донъ». Прошедши этотъ путь они достигли Днѣстра подъ Митиревыми Кыминами, гдѣ былъ перевозъ чрезъ рѣку и литовская граница съ Волохами. Отъ этого перевоза они шли Волохскою землею и на третій день достигли Бѣлграда [1]).

Если-же Витольдъ, кромѣ замка при нижнемъ Днѣстрѣ, могъ имѣть мостъ и мытницу около Богополя и Николаева, то позволено будетъ отыскать замокъ Sokolez не въ деревни Соколовки (Кіевской губ.), но въ нынѣшнемъ Вознесенскѣ, гдѣ при Запорожцахъ была переправа чрезъ Бугъ, названная Сокольская, или Соколы [2]).

Наконецъ упомянутый въ спискѣ замокъ Czarnygrod могъ занимать мѣсто Очакова, названнаго Татарами Каракерманъ (Зап. Од. Общ. I, 384) т. е. Чернымъ городомъ. Вотъ почему я не сомнѣваюсь, что Кёппенъ (l. l. 316) ошибся, полагая, что авторъ книги вышедшей въ 1630 году подъ заглавіемъ: Russia seu Moscovia itemque Tartaria etc., имѣлъ въ виду не Очаковъ, но заливъ Некропилы, т. е. Акмечетскій, когда на 233-ей стр. говоритъ: extra vero peninsulam usque ad Borysthenis ripas habent (Татары) Nigropolim ac alias, nullius tamen momenti, civitates.

Что дѣйствительно Очаковъ вмѣстѣ съ Гаджибеемъ могъ быть уступленъ, по смерти Витольда, Владиславомъ Свитри-

[1]) Путешествія русскихъ людей въ чужія земли, II, 35.

[2]) Скальковскій, Ист. Новой Сѣчи, изд. втор. II, 32.

гайлѣ явствуетъ изъ слѣдующихъ условій, состоявшихся между братьями въ Луцкѣ, въ 1431 году:

«Prezeto my król wyżei wzmiankowany zamki i miasta nazwane Kamieniec, Smotrycz, Czerwongrod etc. Równiez wyżei rzeczony w. k. S. trymać zamki i miasta nastepne: Bracław, Sokolcz, Zwinigrod, Koczubinyow, Daszkow, oraz inne okoliczne zamki» etc. (Danylowicz, Skarb. Dipl. I, 123).

Сравнивая этотъ списокъ съ вышеприведеннымъ, мы усматриваемъ, что замокъ Kaczuklenow дѣйствительно былъ Гаджибейскій, и что вмѣсто Czarnygrod во второмъ спискѣ отмѣченъ Daszkow.

Оба имена, подобно Маякамъ, также упомянуты въ спискѣ городовъ и замковъ, жалованныхъ Сигизмунду I крымскимъ ханомъ въ 913 году по смерти Магомета [1]). Такъ въ одномъ мѣстѣ этого ярлыка читается: Хачибеевъ и Маякъ зъ водами и зъ землями; ино почонши отъ Киева и Днепромъ и до устья etc; а въ другомъ: Ябу городокъ, Балыклы, Карaулъ чорный, городъ Дашовъ и т. д. (Сборн. кн. Оболенскаго, № I, 88).

Такъ какъ въ оригиналѣ недостаетъ вѣроятно запятыхъ, то мы имѣемъ право ихъ переставить и читать это мѣсто слѣдующимъ образомъ: Ябу городокъ, Балыклый караулъ, чорный городъ Дашовъ. Такимъ образомъ мы себѣ можемъ

[1]) Такъ какъ Магометъ скончался десять лѣтъ послѣ бѣгства его изъ Мекки въ Медину, то 913 годъ по его смерти соотвѣтствовалъ 923 году геджры. Въ это время ханомъ крымскимъ былъ Мухаммедъ-Герай, наслѣдовавшій отцу своему въ 920 году обыкновенной магометанской эры, т. е. 1514 нашей эры. Если-же, какъ сказано въ Сборникѣ князя Оболенскаго (I, 109) грамота жалована была Менгли-Гераемъ, то должно думать, что переводчикъ началомъ эры магометанской полагалъ смерть пророка, совпадавшая съ началомъ эры іездегерской, которая также нынѣ еще въ употребленіи на Востокѣ.

воображать, что тутъ ханъ имѣлъ въ виду: становище Ямболукской или Джамболукской орды; сторожевую башню Балыклы, соотвѣтствующую безъ сомнѣнія упомянутому Сарницкимъ замку Балуклея при устьѣ Чичаклей въ Бугъ (Desc. Pol. s. v. Capczaklei) и Черный городъ Дашовъ.

Во всякомъ случаѣ Михаилъ Литвинъ [1]) свидѣтельствуютъ, что Очаковъ также назывался Dassow.

Быть можетъ городъ такъ былъ названъ по имени старосты Перемышла Дашко, который, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Острожскимъ, обратился къ хану Узбеку еще въ 1341 году съ тѣмъ, чтобы онъ ихъ освободилъ отъ ига Казиміра III, и быть можетъ тогда-же переселился въ страну, которая зависѣла отъ орды (Карамзинъ, И. Г. Р. IV, 351).

Выше Очакова находился, по Михаилу-же, замокъ *Tyahinia*, коего развалины нынѣ еще видны между Херсономъ и Бериславомъ при деревни Тягинки на берегу Днѣпра. По преданію [2]) замокъ этотъ былъ построенъ Генуезцами, а потомъ, безъ сомнѣнія, возстановленъ Татарами послѣ изгнанія первыхъ съ береговъ Чернаго моря. Ибо польскій король Іоаннъ Альбрехтъ пишетъ брату своему Александру осенью 1492 года, что «царь Перекопскій Мендли-Кгерей вытягнулъ съ Перекопа со всѣми моцами своими, а тягнетъ до того замку своему, который того лѣта минулаго оправилъ на сей сторонѣ Днѣпра съ помощью царя турецкаго, именемъ Тягинъ, а того не вѣдаемъ, гдѣ ся тотъ паганинъ маетъ обернуть на которую сторону» [3]). Безъ сомнѣнія Менгли-Герай

[1]) De moribus Tartarorum etc, въ Архивѣ ист. и юрид. свѣдѣній Калачова, кн. II, пол. II, и Taurуka (Нарушевича) 1787 р. 100).

[2]) Мышецкій, Ист. о Казакахъ Запорожскихъ, 72, пр. 101.

[3]) Акты относ. къ Ист. Зап. Рос. I, 122, ср. Арцыбышевъ, Пов. о Россіи II, кн. 4, 247, пр. 1500: санчаки Очаковскій и Тягинскій, подъ 1556 годомъ.

имѣлъ въ виду сію-же крѣпость, когда въ маѣ того-же года на предложеніе воевать Польшу, сдѣланное ему въ Киркьерѣ русскимъ посломъ Колычевымъ, изъяснился въ слѣдующихъ словахъ: А что ми было на королеву землю ратью итти, и язъ нынче здумалъ такъ: есть на королевой землѣ ниже Тавани на той сторонѣ Днѣпра городище надъ Нѣпромъ, и язъ пошелъ тотъ городъ дѣлати со всѣми людьми» etc. (Зап. Од. Общ. Ⅴ, 213).

По сему тѣ ошибаются, кто, по примѣру Карамзина (ⅤI, 146) полагаютъ, что ханъ въ этомъ случаѣ хотѣлъ говорить объ Очаковѣ. Подобнымъ образомъ Черкасскій воевода Богданъ разорилъ въ слѣдующемъ году не Очаковъ, но замокъ Тягинскій, къ великой досадѣ хана, истратившаго 150,000 алтынъ на строеніе онаго (Карамзинъ, ⅤI, 152). Грамоту свою къ государю, которому сообщилъ это непріятное извѣстіе, онъ оканчиваетъ слѣдующими словами: Да еще на Нѣпрѣ того города не нарядимъ, сей Литовской землѣ недружбу крѣпко нельзя довести. Такъ вѣдай, какъ тотъ нашъ городъ на Нѣпрѣ доспѣти, его помощникъ будешь, братъ мой, ты вѣдаешь нашего да и твоего брата моего дѣла здѣлати; только того городка на Непрѣ не здѣлаемъ (Зап. Од. Общ. Ⅴ, 218, 9).

Нельзя сказать въ какомъ году Сигизмундъ лишился Очакова, потому что современныя извѣстія, касающіяся до сего города, отрывисты и сбивчивы. Такъ сказано въ книгѣ Крымскихъ посольствъ (Зап. Од. Общ. Ⅴ, 236 seq), что казанскій царь Шигъ-Аидаръ, въ 1523 году, съ Нагайцами и Мангитами, разоривъ укрѣпленія Перекопа, оттуда посылалъ двоекратно небольшіе отряды къ Очакову. За тѣмъ говорится, что оставленный Магметъ-Гиреемъ въ Крыму Остафій Дашковичъ, ушедши оттуда къ себѣ въ Черкасы и собравъ

нѣсколько людей, пожегъ и разорилъ укрѣпленія городовъ Очакова и Ислама [1]).

Можетъ быть атаманъ Евстафій Дашковичъ, котораго Днѣпровскіе казаки считаютъ своимъ Ромуломъ (Карамзинъ, ⅤII. 45 и 78), былъ *еще тогда* союзникомъ Крымскимъ, а не только *дотолѣ*, какъ выражается Карамзинъ, въ той увѣренности, что Очаковъ Дашковичемъ тогда былъ отнятъ у хана. По крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ непонятно какимъ образомъ русскій посланникъ Иванъ Брюховъ, въ слѣдующемъ году, по выѣздѣ своемъ изъ Перекопа могъ получить извѣстіе, что польское войско изъ 80,000 состоящее, пришедъ къ Очакову, разорило оный, но потомъ оттуда отправилось къ Бѣлгороду. Наконецъ мы не понимаемъ, по какимъ «невѣдомымъ обстоятельствамъ» крымскій царь Сеадетъ-герай принужденъ былъ, въ 1528 году, дать возмутившемуся противъ него племяннику своему Исламъ-гераю въ удѣлъ городъ Очаковъ, гдѣ и жилъ онъ съ Остафьемъ Дашковичемъ, присланнымъ къ нему для вспоможенія отъ польскаго короля, имѣя при себѣ только съ небольшимъ тысячу человѣкъ [2]).

Краткія извѣстія о судьбахъ Очакова въ ⅩⅤI столѣтіи, заимствованныя изъ отечественныхъ нашихъ актовъ, можно немного пополнить тѣмъ, что о немъ говорятъ Кромеръ и баронъ Герберштейнъ. Такъ первый (l. l. 458), описывая событія случившіяся въ царствованіе Сигизмунда I, въ число трехъ несчастій ставитъ пораженіе, нанесенное Николаю Сѣневскому, котораго называетъ vir in primis strenuus, предъ

[1]) Крѣпость эта находилась недалеко отъ Каховки; развалины ея видѣли Михаилъ Литвинъ и Бопланъ. Первый называетъ ее Тованъ, а второй Aslan gorodiske при каналѣ Таванъ.

[2]) Книга Крымск. Пос. № 6, 167—200 cf, Зап. Од. Общ. Ⅴ, 255).

Очаковымъ, между тѣмъ какъ авторъ Комментаріевъ [1]), сказавъ, что за Черкасскомъ болѣе не было христіанскихъ жилищъ, присовокупляетъ, что въ сорока миляхъ отъ сего города лежалъ Очаковъ, castrum et civitas quam Tauricae rex *non ita diu* Poloniae regi ademptam possidebat. Hanc nunc Turcus tenet.

По Сарницкому (Descr. Pol. въ Dlugoss l. c.) Очаковъ прежде принадлежалъ Сѣневскимъ и Язловецкимъ, которымъ также были пожалованы земли надъ Чернымъ моремъ близъ порта Качубей, какъ видно изъ любопытнаго для насъ декрета Владислава III, 1442 года, о которомъ упоминаетъ извѣстный Чацкій [2]). Королевскіе коммисары доказывали, что Гаджибейскія пересыпи (przecypisca) не могутъ принадлежать Язловецкимъ, ибо о томъ ничего не было сказано въ жалованной грамотѣ «*пересыпиже слишкомъ уже сто лѣтъ какъ море тамъ пересыпало*». Язловецкіе не позволяли тамъ ставить королевской стражи, какъ на землѣ не принадлежавшей ихъ князю. Но приговоръ Владислава рѣшилъ это дѣло въ пользу королевскую, на томъ основаніи что все, что море унесло у другихъ, то къ его владѣнію присовокупило: quid mare abstulit aliis, Nostro vero dominio adjunxit.

Вѣроятно замокъ Гаджибейскій отнятъ былъ Татарами у Сигизмунда въ то самое время, когда онъ лишился Очакова. По крайней мѣрѣ видно изъ договора заключеннаго въ 1540 году между королемъ и ханомъ Сагибъ-Гераемъ, что Гаджибей тогда уже принадлежалъ Татарамъ. Ибо по 4-й и 5-й статьямъ сего договора ханъ позволяетъ купцамъ коро-

[1]) Starczewski, Hist. Ruth. script. ext. I, 70.

[2]) O Litewskich i Polskich prawach, II, 185, прив. у Скальковскаго, Опытъ Стат. Оп. Новор. кр. I, 18.

левскимъ и литовскимъ брать соль въ Kaczibnewie и вывозить ее оттуда куда хотятъ съ уплатою установленныхъ пошлинъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ханъ обѣщаетъ вознаградить людей королевскихъ за обиды могущія имъ быть причиняемы въ Гаджибеѣ (Daniłowicz, l. l. 312).

Правда, этимъ-же договоромъ король признанъ ханомъ спокойнымъ владѣтелемъ Кіева, Луцка и многихъ другихъ мѣстъ, въ числѣ коихъ встрѣчается также Kaczibeja-most.

Но вышеприведенныя статьи договора показываютъ, что этотъ мостъ не могъ находиться въ сосѣдствѣ замка тогоже имени, а потому мнѣ кажется, что его должно искать надъ какой нибудь изъ рѣкъ, протекавшихъ на пути, ведущемъ къ Гаджибею изъ Украйны. Такъ какъ главная изъ этихъ рѣкъ есть Бугъ, то я полагалъ-бы, что мостъ Kaczibejow могъ находиться при замкѣ Capcaclei, коего развалины еще замѣтны были во времена Броніовія (l. l. 814) при устьѣ Чичаклея въ Бугъ, т. е. въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ находилась башня Balyklei Сарницкаго. Также могло статься, что мостъ этотъ находился при переправѣ Соколиной, или-же наконецъ, что онъ былъ тотъ самый, коего постройку Сарницкій приписалъ Витольду.

Подобно замку Capcaclei, городище Гаджибейское [1]) представляло только кучу развалинъ, когда, въ 1578 году, мимо его проѣзжалъ посланникъ Стефана Баторія на пути своемъ изъ долины Барабоя [2]) къ Тилигулу, названному имъ Domnina Dolnia [3]), т. е. Темною долиною. Впрочемъ кажется,

[1]) Cacibei Horodisae, quasi territorium collapsum.

[2]) Съ турецкаго Бурю-боинъ, волчье горло, почему и Броніовій могъ сказать: Demum vero Beribonium, alias Licastenum Collum lupinum appellant.

[3]) Примѣненное къ Тилигулу названіе Темной долины припоми-

что соляной промыслъ по прежнему производился и подавалъ поводъ къ частымъ спорамъ на берегахъ лимановъ Гаджибейскаго и Аджалыкскихъ. Ибо польскій дипломатъ не забылъ замѣтить, что между городищемъ и Темною долиною находились, возлѣ морскаго берега, соляныя озера и что въ этой мѣстности, названной имъ Adzigoli съ турецкаго слова, значущаго «горькое озеро», постоянно происходили драки между казаками.

Безъ сомнѣнія, не одинъ только соляной промыслъ въ это время оживлялъ и обагрялъ кровью окрестности Гаджибея. Они также славились богатою рыбною ловлею, которая производилась, по Боплану (Описаніе Украйны) съ особеннымъ успѣхомъ въ лиманѣ Куяльникскомъ (Iezіero kujalik). Если-бы можно было вѣрить тому, что онъ въ семъ отношеніи говоритъ по наслышкѣ, то въ этомъ лиманѣ водились тогда коропи и щуки неимовѣрной величины, для ловли коихъ приходили къ берегамъ его цѣлые караваны, изъ мѣстъ, отстоявшихъ на 50 миль и болѣе. Впрочемъ, изъ приведенныхъ свидѣтельствъ можно заключить, что Куяльникскій лиманъ еще былъ въ связи съ моремъ въ то время, когда оно «пересыпало» устье лимана Гаджибейскаго. Дѣйствительно послѣдній нынѣ отдѣленъ отъ морскаго берега большимъ пространствомъ, тогда какъ между Куяльникомъ и моремъ находится самый узкій песчаный перешеекъ.

Спутники Карла XII, подробно записавшіе все, что имъ казалось достойнымъ вниманія во время извѣстнаго странствованія шведскаго короля съ окрестностей Ольвіи до Бен-

---

наетъ имя Кара-урманъ, отмѣченное на картѣ Риччи Заннони на восточномъ берегу сего лимана, равно какъ и находящееся въ тѣхъ-же мѣстахъ урочищѣ Карабашъ и упомянутый Нубійскимъ географомъ (Geogr. d'Edrisi, tr. p. Jaubert) городъ Карія.

деръ, ничего не говорятъ о замкѣ Гаджибейскомъ. Молчаніе ихъ заставляетъ насъ думать, что онъ тогда еще не былъ возобновленъ, а это тѣмъ болѣе, что на картѣ Чернаго моря, приложенной ко 2-му тому сочиненія Витсена (Noord en Oost Tartaryen), на мѣстѣ нынѣ занимаемомъ Одессою только приписано: Ghogia Bej Limani al. Haven of Baay. Если-же въ этомъ мѣстѣ снова водворилось-бы поселеніе въ промежуткѣ времени протекшемъ съ тѣхъ поръ, когда бурмистръ Амстердамскій собиралъ матеріалы своего труда—до того славнаго дня, когда вѣнценосный другъ его поразилъ шведскаго героя, то послѣдній навѣрно добрался-бы до самаго Гаджибея, когда въ бѣгствѣ своемъ дошелъ до нынѣшней Пересыпи. Между тѣмъ мы знаемъ по маршруту несчастныхъ Шведовъ, составленному генераломъ Адлерфельдомъ (Зап. Од. Общ. III, 336) что они въ этомъ именно мѣстѣ удалились съ морскаго берега и направили путь свой чрезъ Kurkahan, т. е. Курчуганъ (Шмидъ, l. l. 221) или Кучурганъ къ Бендерамъ.

Невѣроятно однако, чтобы, при мѣстныхъ особностяхъ Гаджибея, онъ постоянно могъ оставаться въ такомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ находился во время Великой Сѣверной войны, и которое едвали могло измѣниться къ лучшему въ тѣ лѣта, когда Сѣверный Евгеній наижесточайшимъ образомъ мстилъ Портѣ за унизительныя условія прутскаго міра и дозволилъ Запорожцамъ «для пользы службы» безнаказанно чинить поискъ надъ Татарами какъ врагами отечества [1]).

---

[1]) Слѣдующій отрывокъ изъ дневника графа Мюнниха (Hermann, Beiträge z. Gesch. d. Russ. Reichs, p. 204) къ сожалѣнію, подобно дневнику де Ланнуа, до сихъ поръ не переведеннаго на русскій языкъ, тогда какъ наши періодическія сочиненія надѣляютъ насъ ежемѣсячно переводами плохихъ французскихъ и англійскихъ романовъ—можетъ слу-

Дѣйствительно мы узнаемъ изъ «меморіала» Запорожца Семена Галицкаго, обнародованнаго г. Скальковскимъ (Ист. Н. Сѣчи, III, 86), что тридцать лѣтъ послѣ Белградскаго мира казаки могли попалить большое число хатъ въ селѣ Хаджибеѣ и забрать въ его ближайшихъ окрестностяхъ лошадей болѣе 20,000, рогатаго скота болѣе 1,000, овецъ 4,000 и 180 верблюдовъ. Паланку-же, въ томъ селѣ имѣющуюся и въ которую часть жителей убѣжали, не могли штурмовать, потому что въ ней было довольно пушекъ.

Въ слѣдующемъ году (1770), какъ видно изъ другаго меморіала (ibid. 61), предавши огню мѣстечко Аджидеръ (Овидіополь), Казаки снова явились предъ крѣпостію Аджибейской и овладѣли ея форштатомъ, гдѣ, равно какъ и въ другихъ сосѣднихъ селахъ, ясыру и добычи не мало получили. Отъ самой-же крѣпости, по ея «весьма изъ каменя оградою укрѣпленія», должны были отступить, потерявъ атамана Шапарця и 10 человѣкъ, кромѣ 27 раненныхъ.

жить примѣромъ съ какими бѣдствіями для края сопряжены были его дѣянія. Сказавъ, что русскія войска, 5 іюня 1736 года, безъ всякаго сопротивленія овладѣли Козловомъ, главнокомандующій продолжаетъ: Городъ этотъ, названный Турками и Татарами Козлеве, имѣлъ болѣе 5000 каменныхъ домовъ, множество мечетей и церквей и лежитъ въ видѣ амфитеатра при отличномъ портѣ. Самое значительное и красивое зданіе въ городѣ была большая каменная мечеть, убранная внутри многими колоннами и пиластрами изъ бѣлаго мрамора и украшенная куполемъ крытымъ свинцомъ. Она прежде была греческая церковь, построенная, судя по характеру архитектуры во времена Константина Великаго или вскорѣ спустя. Городъ былъ окруженъ съ сухопутной стороны высокою стѣною съ четыреугольными башнями и рвомъ, вырытымъ въ скалѣ; за городомъ-же были фруктовые сады и дачи... О богатствѣ жителей, 500 лѣтъ не видавшихъ непріятеля, можно было судить по добычѣ, которая была такъ значительна, что войско не могло все увести съ собою, а потому многое было сожжено или оставлено подъ развалинами домовъ.

Приведенные документы свидѣтельствуютъ, что тому назадъ около ста лѣтъ Гаджибей не только былъ населенъ, но также довольно хорошо укрѣпленъ.

Благодаря указаніямъ г. Скальковскаго (I. I. II, 294, 5), мы можемъ сказать, не ошибаясь, что постройка этой крѣпости начата была какъ разъ сто лѣтъ тому назадъ. По крайней мѣрѣ я вполнѣ увѣренъ, что почтенный авторъ исторіи Новой Сѣчи совершенно правъ, когда относитъ къ Гаджибею извѣстіе сообщенное войсковымъ толмачемъ Ивановымъ касательно постройки крѣпости Ени-Дуни въ 1764 году. Возвращаясь во свояси изъ Каушанъ лѣтомъ сего года, Ивановъ доноситъ своему начальству, что въ 50 верстахъ отъ Очакова при морѣ, по направленію къ Бѣлгороду, дѣлалась крѣпость, коя наименована *Ени-Дуни*, т. е. Новый Свѣтъ. Прежде тамъ было селеніе именуемое Куджабей; «оная-же крѣпость зачалась дѣлаться сего года съ весны, а дѣлаютъ ту крѣпость Волохи, на которую возятъ камень изъ степи, съ рѣчекъ и балокъ околичныхъ».

Напрасно ссылались, для опроверженія мнѣнія г. Скальковскаго, на карту Риччи Заннони, въ которой крѣпость Ени-Дуни (Ieni-duni) отмѣчена при Тилигульскомъ лиманѣ. Ибо въ этомъ случаѣ она находилась-бы въ 25 тогдашнихъ верстахъ отъ Очакова, а не въ 50, тогда какъ таково именно разстояніе между этою крѣпостію и Гаджибеемъ. При томъ нужно только бросить взглядъ на карту Риччи, чтобъ убѣдиться въ томъ, что онъ, помѣщая Іени-Дуни при Тилигулѣ, скорѣй могъ ошибаться, нежели Ивановъ, который только хотѣлъ сказать, что крѣпость, строившаяся въ селѣ Гаджибейскомъ, Турками была названа Ени-Дуни. Ибо весьма естественно, что Татары продолжали означать крѣпость именемъ села, а Русскіе не могли не слѣдовать ихъ примѣру,

чѣмъ и объясняется, почему къ турецкому имени Гаджибей на приведенной картѣ прибавлено ничего не значущее *Vozia*, побудившее Тунмана (l. l. 388) сказать, что *Wozia* было мѣстечко, лежащее насупротивъ Гаджибея.—Далѣе не подлежитъ сомнѣнію, что пять только лѣтъ послѣ начатія постройки крѣпости Ени-Дуни, въ селеніи Гаджибеѣ дѣйствительно уже была крѣпость, которая существовала пока не была взята бригадиромъ де Рибасомъ въ 1789 году. Между тѣмъ основатель Одессы во время своего перехода изъ подъ Очакова до Куяльника никакой крѣпости на пути своемъ не встрѣчалъ, столь-же мало какъ и Запорожцы, которые въ 1769 и 70 годахъ не могли взять Гаджибейскій замокъ, а въ тоже время безпрепятственно переправлялись черезъ Тилигулъ равно какъ и черезъ Березань. Здѣсь они даже овладѣли селомъ Аджи-Гассанъ, стоявшимъ надъ моремъ на западной сторонѣ лимана (Скальковскій, l. l. III, 32) т. е. на мѣстѣ теперешней деревни Адзіатки, которая, какъ я узналъ положительно отъ прежняго ее владѣльца, покойнаго тестя моего Ф. М. де Рибаса, именемъ своимъ обязана сказанному селу Аджи-Гассанъ; между тѣмъ какъ отмѣченная на картѣ Риччи Заннони при Березани-же крѣпость Гассанъ-паша находилась подъ самымъ Очаковымъ [1]).

Наконецъ мы узнаемъ изъ переписки Кошеваго съ комендантомъ бендерскимъ Карломъ Каменцемъ (Скальковскій, Опытъ Хоз. Стат. II, 468), что замокъ Ени-Дунья въ Хаджибейской бухтѣ былъ взятъ Русскими въ іюлѣ 1774 года, т. е. предъ заключеніемъ Кучукъ-Кайнарджискаго мира, по которому Очаковская область была возвращена Портѣ. Дотолѣ командовалъ въ Гаджибейскомъ замкѣ поручикъ Веденяпинъ.

[1]) Планъ Очаковск. сраж. въ V т. Зап. Од. Общ.

Что-же касается приведеннаго села Аджи-Гассанъ, то оно долженствовало быть не маловажнымъ, поелику Казакамъ въ немъ досталось «получить въ добычь овецъ тысячь пять, рогатаго скота 600, муловъ 50 и разнаго багажу не малое число». Теперь тамъ, какъ я самъ испыталъ, трудно, даже по открытому листу, получить пару коней.

Но вотъ еще примѣръ ироніи судьбы: Пять лѣтъ послѣ разграбленія Аджи-Гассана Казаками, имъ самимъ пришлось искать убѣжище въ его сосѣдствѣ, по случаю уничтоженія ихъ сѣчи генераломъ Тѣкели въ 1775 году.

Въ Одессѣ сохранилось преданіе (Скальковскій, l. l. 198), что Запорожцы, которые тогда убирались «подъ Турка» къ Тилигулу, тамъ не усидѣли, но поселились у подошвы Гаджибейской крѣпосцы, въ т. н. нынѣ карантинной балкѣ и послѣ основали предмѣстье нашего города—Пересыпь.

Но такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что наши удальцы, предпочитавшіе необузданную свободу милой родинѣ, не отступили-бы за никакія блага отъ вѣры своихъ предковъ, то и должно думать, что большая часть изъ Гаджибея перенесла свои пенаты въ другія мѣста прежде или послѣ Ясскаго мира. Ибо мы усматриваемъ изъ вѣдомости, представленной священникомъ Романомъ Ивановымъ архіепископу Екатеринославскому и Херсонскому Амвросію, что въ 1793 году село Аджибей имѣло жителей не болѣе 22 мужчинъ и 6 женщинъ православнаго исповѣданія [1]).

[1]) Приложеніе № 15 къ статьѣ Ханская Украйна, помѣщенной въ № 6 Херсонск. Епархіальн. Вѣдомостей, за 1860 годъ.

Дозволено цензурою. Одесса, 22 іюня 1865.

